

Стихи

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко
И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь привык он пробовать сердца.
Начав еще мальчишкой с "нюпоры",
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытал последнего мотора.

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы...

1939

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Женщине из г. Вичуга

Я вас обязан известить,
Что не дошло до адресата
Письмо, что в ящик опустить

Не постыдились вы когда-то.

Ваш муж не получил письма,
Он не был ранен словом пошлым,
Не вздрогнул, не сошел с ума,
Не проклял все, что было в прошлом.

Когда он поднимал бойцов
В атаку у руин вокзала,
Тупая грубость ваших слов
Его, по счастью, не терзала.

Когда шагал он тяжело,
Стянув кровавой тряпкой рану,
Письмо от вас еще все шло,
Еще, по счастью, было рано.

Когда на камни он упал
И смерть оборвала дыханье,
Он все еще не получал,
По счастью, вашего посланья.

Могу вам сообщить о том,
Что, завернувши в плащ-палатки,
Мы ночью в сквере городском
Его зарыли после схватки.

Стоит звезда из жести там
И рядом тополь — для приметы...
А впрочем, я забыл, что вам,
Наверно, безразлично это.

Письмо нам утром принесли...
Его, за смертью адресата,
Между собой мы вслух прочли —
Уж вы простите нам, солдатам.

Быть может, память коротка
У вас. По общему желанью,
От имени всего полка
Я вам напомню содержание.

Вы написали, что уж год,
Как вы знакомы с новым мужем.
А старый, если и придет,
Вам будет все равно ненужен.

Что вы не знаете беды,
Живете хорошо. И кстати,
Теперь вам никакой нужды
Нет в лейтенантском аттестате.

Чтоб писем он от вас не ждал
И вас не утруждал бы снова...
Вот именно: «не утруждал»...
Вы побольней искали слова.

И все. И больше ничего.
Мы перечли их терпеливо,
Все те слова, что для него
В разлуки час в душе нашли вы.

«Не утруждай». «Муж». «Аттестат»...
Да где ж вы душу потеряли?
Ведь он же был солдат, солдат!
Ведь мы за вас с ним умирали.

Я не хочу судьбою быть,
Не все разлуку побеждают,
Не все способны век любить,—
К несчастью, в жизни все бывает.

Ну хорошо, пусть не любим,
Пускай он больше вам ненужен,
Пусть жить вы будете с другим,
Бог с ним, там с мужем ли, не с мужем.

Но ведь солдат не виноват
В том, что он отпуска не знает,
Что третий год себя подряд,
Вас защищая, утруждает.

Что ж, написать вы не смогли
Пусть горьких слов, но благородных.
В своей душе их не нашли —
Так заняли бы где угодно.

В отчизне нашей, к счастью, есть
Немало женских душ высоких,
Они б вам оказали честь —
Вам написали б эти строки;

Они б за вас слова нашли,
Чтоб облегчить тоску чужую.
От нас поклон им до земли,
Поклон за душу их большую.

Не вам, а женщинам другим,
От нас отторженным войною,
О вас мы написать хотим,
Пусть знают — вы тому виною,

Что их мужья на фронте, тут,
Подчас в душе борясь с собою,
С невольною тревогой ждут
Из дома писем перед боем.

Мы ваше не к добру прочли,

Теперь нас втайне горечь мучит:
А вдруг не вы одна смогли,
Вдруг кто-нибудь еще получит?

На суд далеких жен своих
Мы вас пошлем. Вы клеветали
На них. Вы усомниться в них
Нам на минуту повод дали.

Пускай поставят вам в вину,
Что душу птичью вы скрывали,
Что вы за женщину, жену,
Себя так долго выдавали.

А бывший муж ваш — он убит.
Все хорошо. Живите с новым.
Уж мертвый вас не оскорбит
В письме давно ненужным словом.

Живите, не боясь вины,
Он не напишет, не ответит
И, в город возвратясь с войны,
С другим вас под руку не встретит.

Лишь за одно еще простить
Придется вам его — за то, что,
Наверно, с месяц приносить
Еще вам будет письма почта.

Уж ничего не сделать тут —
Письмо медлительнее пули.
К вам письма в сентябре придут,
А он убит еще в июле.

О вас там каждая строка,
Вам это, верно, неприятно —

Так я от имени полка
Беру его слова обратно.

Примите же в конце от нас
Презренье наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане.

По поручению офицеров полка
К. Симонов
1943

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину - такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,

Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.
1941

ПОРУЧИК

Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган,
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан.

А крепость Петропавловск-на-Камчатке
Погружена в привычный мирный сон.
Хромой поручик, натянув перчатки,
С утра обходит местный гарнизон.

Седой солдат, откозыряв неловко,
Трет рукавом ленивые глаза,
И возле пушек бродит на веревке
Худая гарнизонная коза.

Ни писем, ни вестей. Как ни проси их,
Они забыли там, за семь морей,
Что здесь, на самом кончике России,
Живет поручик с ротой егерей...

Поручик, долго щурясь против света,
Смотрел на юг, на море, где вдали -
Неужто нынче будет эстафета?-

Маячили в тумане корабли.

Он взял трубу. По зыби, то зеленой,
То белой от волнения, сюда,
Построившись кильватерной колонной,
Шли к берегу британские суда.

Зачем пришли они из Альбиона?
Что нужно им? Донесся дальний гром,
И волны у подножья бастиона
Вскипели, обожженные ядром.

Полдня они палили наудачу,
Грозя весь город обратить в костер.
Держа в кармане требование сдачи,
На бастион взошел парламентар.

Поручик, в хромоте своей увидя
Опасность для достоинства страны,
Надменно принимал британца, сидя
На лавочке у крепостной стены.

Что защищать? Заржавленные пушки,
Две улицы то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избышки,
Клочок не нужной никому земли?

Но все-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?
Он горсточку земли растер рукою:
Забывая, а все-таки земля.

Дырявые, обветренные флаги
Над крышами шумят среди ветвей...
"Нет, я не подпишу твоей бумаги,
Так и скажи Виктории своей!"

.....

Уже давно британцев оттеснили,
На крышах залатали все листы,
Уже давно всех мертвых схоронили,
Поставили сосновые кресты,

Когда Санкт-Петербургские курьеры
Вдруг привезли, на год застряв в пути,
Приказ принять решительные меры
И гарнизон к присяге привести.

Для боевого действия к отряду
Был прислан в крепость новый капитан,
А старому поручику в награду
Был полный отпуск с пенсией дан!

Он все ходил по крепости, бедняга,
Все медлил лезть на сходни корабля.
Холодная казенная бумага,
Нелепая любимая земля...
1939

СТАРИК

Памяти Амундсена

Весь дом пенькой проконопачен прочно,
Как корабельное сухое дно,
И в кабинете - круглое нарочно -
На океан прорублено окно.

Тут все кругом привычное, морское,
Такое, чтобы, вставши на причал,
Свой переход к свирепому покою
Хозяин дома реже замечал.

Он стар. Под старость странствия опасны,
Король ему назначил пенсион,
И с королем на этот раз согласны
Его шофер, кухарка, почтальон.

Следят, чтоб ночью угли не потухли,
И сплетничают разным докторам,
И по утрам подогревают туфли,
И пива не дают по вечерам.

Все подвиги его давно известны,
К бессмертной славе он приговорен,
И ни одной душе не интересно,
Что этой славой недоволен он.

Она не стоит одного ночлега
Под спальным шерстью пахнущим мешком,
Одной щепотки тающего снега,
Одной затяжки крепким табаком.

Ночь напролет камин ревет в столовой,
И, кочергой помешивая в нем,
Хозяин, как орел белоголовый,
Нахохлившись, сидит перед огнем.

По радио всю ночь бюро погоды
Предупреждает, что кругом шторма,-
Пускай в портах швартуют пароходы
И запирают накрепко дома.

В разрядах молний слышимость все глуше,
И вдруг из тыщевеерстной темноты
Предсмертный крик: "Спасите наши души!"
И градусы примерной широты.

В шкафу висят забытые одежды -

Комбинезоны, спальные мешки...
Он никогда бы не подумал прежде,
Что могут так заржаветь все крючки...

Как трудно их застегивать с отвычки!
Дождь бьет по стеклам мокрою листвой.
В резиновый карман - табак и спички,
Револьвер - в задний, компас - в боковой.

Уже с огнем забежали по дому,
Но, заревев и прыгнув из ворот,
Машина по пути к аэродрому
Давно ушла за первый поворот.

В лесу дубы под молнией, как свечи,
Над головой сгибаются, треща,
И дождь, ломаясь на лету о плечи,
Стекает в черный капюшон плаща.

Под осень, накануне ледостава,
Рыбачий бот, уйдя на промысла,
Найдет кусок его бессмертной славы -
Обломок обгоревшего крыла.

1939

* * *

Умирают друзья, умирают...
Из разжатых ладоней твоих
Как последний кусок забирают,
Что вчера еще был - на двоих.

Все пустей впереди, все свободней,
Все слышнее, как мины там рвут,
То, что люди то волей господней,
То запущенным раком зовут...

1970

* * *

Словно смотришь в бинокль перевернутый -
Все, что сзади осталось, уменьшено,
На вокзале, метелью подернутом,
Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину,-
Ее горе отсюда невидимо;
Как и всем нам, войною непрошено
Мне жестокое зрение выдано.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся,
Но на этом далеком свидании
До былой слепоты не унизимся.

Слишком много друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем горем испытанном зрении.
1941

* * *

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера - странная звезда.
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,

Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пусть они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

1941

* * *

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.
1941

ХОЗЯЙКА ДОМА

Подписан будет мир, и вдруг к тебе домой,
К двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча,
Как в дни войны, придут слуга покорный твой
И все его друзья, кто будет жив к той ночи.
Хочу, чтоб ты и в эту ночь была
Опять той женщиной, вокруг которой
Мы изредка сходились у стола
Перед окном с бумажной синей шторой.
Басы зениток за окном слышны,
А радиола старый вальс играет,

И все в тебя немножко влюблены,
И половина завтра уезжает.
Уже шинель в руках, уж третий час,
И вдруг опять стихи тебе читают,
И одного из бывших в прошлый раз
С мужской ворчливой скорбью вспоминают.
Нет, я не ревновал в те вечера,
Лишь ты могла разгладить их морщины.
Так краток вечер, и - пора! Пора!-
Трубят внизу военные машины.
С тобой наш молчаливый уговор -
Я выходил, как равный, в непогоду,
Пересекал со всеми зимний двор
И возвращался после их ухода.
И даже пусть догадливы друзья -
Так было лучше, это б нам мешало.
Ты в эти вечера была ничья.
Как ты права - что прав меня лишала!
Не мне судить, плоха ли, хороша,
Но в эти дни лишений и разлуки
В тебе жила та женская душа,
Тот нежный голос, те девичьи руки,
Которых так недоставало им,
Когда они под утро уезжали
Под Ржев, под Харьков, под Калугу, в Крым.
Им девушки платками не махали,
И трубы им не пели, и жена
Далеко где-то ничего не знала.
А утром неотступная война
Их вновь в свои объятья принимала.
В последний час перед отъездом ты
Для них вдруг становилась всем на свете,
Ты и не знала страшной высоты,
Куда взлетала ты в минуты эти.
Быть может, не любимая совсем,
Лишь для меня красавица и чудо,

Перед отъездом ты была им тем,
За что мужчины примут смерть повсюду,-
Сияньем женским, девочкой, женой,
Невестой - всем, что уступить не в силах,
Мы умираем, заслонив собой
Вас, женщин, вас, беспомощных и милых.
Знакомый с детства простенький мотив,
Улыбка женщины - как много и как мало...
Как ты была права, что, проводив,
При всех мне только руку пожимала.

.....

Но вот наступит мир, и вдруг к тебе домой,
К двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча,
Как в дни войны, придут слуга покорный твой
И все его друзья, кто будет жив к той ночи.
Они придут еще в шинелях и ремнях
И долго будут их снимать в передней -
Еще вчера война, еще всего на днях
Был ими похоронен тот, последний,
О ком ты спросишь,- что ж он не пришел?-
И сразу оборвутся разговоры,
И все заметят, как широк им стол,
И станут про себя считать приборы.
А ты, с тоской перехватив их взгляд,
За лишние приборы в оправданье,
Шепнешь: "Я думала, что кто-то из ребят
Издалека приедет с опозданием..."
Но мы не станем спорить, мы смолчим,
Что все, кто жив, пришли, а те, что опоздали,
Так далеко уехали, что им
На эту землю уж поспеть едва ли.

Ну что же, сядем. Сколько нас всего?
Два, три, четыре... Стулья ближе сдвинем,
За тех, кто опоздал на торжество,
С хозяйкой дома первый тост поднимем.

Но если опоздать случится мне
И ты, меня коря за опозданье,
Услышишь вдруг, как кто-то в тишине
Шепнет, что бесполезно ожиданье,-
Не отменяй с друзьями торжество.
Что из того, что я тебе всех ближе,
Что из того, что я любил, что из того,
Что глаз твоих я больше не увижу?
Мы собирались здесь, как равные, потом
Вдвоем ты только мне была дана судьбою,
Но здесь, за этим дружеским столом,
Мы были все равны перед тобою.
Потом ты можешь помнить обо мне,
Потом ты можешь плакать, если надо,
И, встав к окну в холодной простыне,
Просить у одиночества пощады.
Но здесь не смей слезами и тоской
По мне по одному лишать последней чести
Всех тех, кто вместе уезжал со мной
И кто со мною не вернулся вместе.

Поставь же нам стаканы заодно
Со всеми! Мы еще придем нежданно.
Пусть кто-нибудь живой нальет вино
Нам в наши молчаливые стаканы.
Еще вы трезвы. Не пришла пора
Нам приходить, но мы уже в дороге,
Уж била полночь... Пейте ж до утра!
Мы будем ждать рассвета на пороге,
Кто лгал, что я на праздник не пришел?
Мы здесь уже. Когда все будут пьяны,
Бесшумно к вам подсядем мы за стол
И сдвинем за живых бесшумные стаканы.
1942

* * *

Я много жил в гостиницах,
Слезал на дальних станциях,
Что впереди раскинется -
Все позади останется.

Я не скучал в провинции,
Довольный переменами,
Все мелкие провинности
Не называл изменами.

Искал хотя б прохожую,
Далекую, неверную,
Хоть на тебя похожую...
Такой и нет, наверное,

Такой, что вдруг приснится мне;
То серые, то синие
Глаза твои с ресницами
В ноябрьском первом инее.

Лицо твое усталое,
Несхожее с портретами,
С мороза губы талые,
От снега мной согретые,

И твой лениво брошенный
Взгляд, означавший искони:
Не я тобою прощенный,
Не я тобою исканный,

Я только так, обласканный
За то, что в ночь с порошею,
За то, что в холод сказкою
Согрел тебя хорошею.

И веришь ли, что странною
Мечтой себя тревожу я:
И ты не та, желанная,
А только так, похожая.
Май 1941

* * *

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила,-

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведёт с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведённых на шее рук.

Взял бы в рай с собой всё опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Всё, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивлённо меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю толкнул меня.
1941

* * *

Я, перебрав весь год, не вижу
Того счастливого числа,
Когда всего верней и ближе
Со мной ты связана была.

Я помню зал для репетиций
И свет, зажженный, как на грех,
И шепот твой, что не годится
Так делать на виду у всех.

Твой звездный плащ из старой драмы
И хлыст наездницы в руках,
И твой побег со сцены прямо

Ко мне на легких каблуках.

Нет, не тогда. Так, может, летом,
Когда, на сутки отпуск взяв,
Я был у ног твоих с рассветом,
Машину за ночь доконав.

Какой была ты сонной-сонной,
Вскочив с кровати босиком,
К моей шинели пропыленной
Как прижималась ты лицом!

Как бились жилки голубые
На шее под моей рукой!
В то утро, может быть, впервые
Ты показалась мне женой.

И все же не тогда, я знаю,
Ты самой близкой мне была.
Теперь я вспомнил: ночь глухая,
Обледенелая скала...

Майор, проверив по карманам,
В тыл приказал бумаг не брать;
Когда придется, безымянным
Разведчик должен умирать.

Мы к полночи дошли и ждали,
По грудь зарытые в снегу.
Огни далекие бежали
На том, на русском, берегу...

Теперь я сознаюсь в обмане:
Готовясь умереть в бою,
Я все-таки с собой в кармане
Нес фотографию твою.

Она под северным сияньем
В ту ночь казалась голубой,
Казалось, вот сейчас мы встанем
И об руку пойдём с тобой.

Казалось, в том же платье белом,
Как в летний день снята была,
Ты по камням оледенелым
Со мной невидимо прошла.

За смелость не прося прощенья,
Клянусь, что, если доживу,
Ту ночь я ночью обрученья
С тобою вместе назову.

1941

* * *

Не сердитесь к лучшему,
Что, себя не мучая,
Вам пишу от случая
До другого случая.

Письма пишут разные:
Слезные, болезные,
Иногда прекрасные,
Чаще бесполезные.

В письмах все не скажется
И не все услышится,
В письмах все нам кажется,
Что не так напишется.

Коль вернусь так суженых
Некогда отчитывать,
А убьют так хуже нет

Письма перечитывать.

Чтобы вам не бедствовать,
Не возить их тачкою,
Будут путешествовать
С вами тонкой пачкою.

А замужней станете,
Обо мне заплачете
Их легко достанете
И легко припрячете.

От него, ревнивого,
Затворившись в комнате,
Вы меня, ленивого,
Добрим словом вспомните.

Скажете, что к лучшему,
Память вам не мучая,
Он писал от случая
До другого случая.
1941

* * *

Ты говорила мне "люблю",
Но это по ночам, сквозь зубы.
А утром горькое "терплю"
Едва удерживали губы.

Я верил по ночам губам,
Рукам лукавым и горячим,
Но я не верил по ночам
Твоим ночным словам незрячим.

Я знал тебя, ты не лгала,
Ты полюбить меня хотела,

Ты только ночью лгать могла,
Когда душою правит тело.

Но утром, в трезвый час, когда
Душа опять сильна, как прежде,
Ты хоть бы раз сказала "да"
Мне, ожидавшему в надежде.

И вдруг война, отъезд, перрон,
Где и обняться-то нет места,
И дачный клязьминский вагон,
В котором ехать мне до Бреста.

Вдруг вечер без надежд на ночь,
На счастье, на тепло постели.
Как крик: ничем нельзя помочь!
Вкус поцелуя на шинели.

Чтоб с теми, в темноте, в хмелю,
Не спутал с прежними словами,
Ты вдруг сказала мне "люблю"
Почти спокойными губами.

Такой я раньше не видал
Тебя, до этих слов разлуки:
Люблю, люблю... ночной вокзал,
Холодные от горя руки.

1941

* * *

Я, верно, был упрямей всех.
Не слушал клеветы
И не считал по пальцам тех,
Кто звал тебя на "ты".

Я, верно, был честней других,

Моложе, может быть,
Я не хотел грехов твоих
Прощать или судить.

Я девочкой тебя не звал,
Не рвал с тобой цветы,
В твоих глазах я не искал
Девичьей чистоты.

Я не жалел, что ты во сне
Годами не ждала,
Что ты не девочкой ко мне,
А женщиной пришла.

Я знал, честней бесстыдных снов,
Лукавых слов честней
Нас приютивший на ночь кров,
Прямой язык страстей.

И если будет суждено
Тебя мне удержать,
Не потому, что не дано
Тебе других узнать.

Не потому, что я пока,
А лучше не нашлось,
Не потому, что ты робка,
И так уж повелось...

Нет, если будет суждено
Тебя мне удержать,
Тебя не буду все равно
Я девочкою звать.

И встречу я в твоих глазах
Не с голубой, пустой,

А с женской, в горе и страстях
Рожденной чистотой.

Не с чистотой закрытых глаз,
Неведением детей,
А с чистотою женских ласк,
Бессонницей ночей...

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил.
Июнь 1941

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: - Господь вас спаси!-
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала:- Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

"Мы вас подождем!"- говорили нам пажити.
"Мы вас подождем!"- говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

ГЕНЕРАЛ

Памяти Мате Залки

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаившись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был -
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Магьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?

Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять?

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапее о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был - над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освящает в бою.
И где б он ни бился - он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,

Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его неверны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.
Июль 1937

ТОСКА

"Что ты затосковал?"

- "Она ушла".

- "Кто?"

- "Женщина.

И не вернется,

Не сядет рядом у стола,

Не разольет нам чай, не улыбнется;

Пока не отыщу ее следа -

Ни есть, ни пить спокойно не смогу я..."

- "Брось тосковать!

Что за беда?

Поищем -

И найдем другую".

.....

"Что ты затосковал?"

- "Она ушла!"

- "Кто?"

- "Муза.

Всё сидела рядом.

И вдруг ушла и даже не могла
Предупредить хоть словом или взглядом.
Что ни пишу с тех пор - все бестолочь, вода,
Чернильные расплывшиеся пятна..."

- "Брось тосковать!
Что за беда?
Догоним, приведем обратно".
.....
"Что ты затосковал?"

- "Да так...
Вот фотография прибита косо.
Дождь на дворе,
Забыл купить табак,
Обшарил стол - нигде ни папиросы.
Ни день, ни ночь -
Какой-то средний час.
И скучно, и не знаешь, что такое..."

- "Ну что ж, тоскуй.
На этот раз
Ты пойман настоящей тоскою..."

1938-1939

ИЗГНАННИК

Испанским республиканцам

Нет больше родины. Нет неба, нет земли.
Нет хлеба, нет воды. Все взято.
Земля. Он даже не успел в слезах, в пыли
Припасть к ней пересохшим ртом солдата.

Чужое море билось за кормой,
В чужое небо пену волн швыряя.
Чужие люди ехали "домой",
Над ухом это слово повторяя.

Он знал язык. Его жалели вслух
За костыли и за потертый ранец,
А он, к несчастью, не был глух,
Бездомная собака, иностранец.

Он высадился в Лондоне. Семь дней
Искал он комнату. Еще бы!
Ведь он искал чердак, чтоб был бедней
Последней лондонской трущобы.

И наконец нашел. В нем потолки текли,
На плитах пола промокали туфли,
Он на ночь у стены поставил костыли -
Они к утру от сырости разбухли.

Два раза в день спускался он в подвал
И медленно, скрывая нетерпенье,
Ел черствый здешний хлеб и запивал
Вонючим пивом за два пенни.

Он по ночам смотрел на потолок
И удивлялся, ничего не слыша:
Где "юнkersы", где неба черный клочок
И звезды сквозь разодранную крышу?

На третий месяц здесь, на чердаке,
Его нашел старик, прибывший с юга;
Старик был в штатском платье, в котелке,
Они едва смогли узнать друг друга.

Старик спешил. Он выложил на стол
Приказ и деньги - это означало,
Что первый час отчаянья прошел,
Пора домой, чтоб все начать сначала,

Но он не может. "Слышишь, не могу!" -

Он показал на раненую ногу.
Старик молчал. "Ей-богу, я не лгу,
Я должен отдохнуть еще немного".

Старик молчал. "Еще хоть месяц так,
А там - пускай опять штыки, застенки, мавры".
Старик с улыбкой расстегнул пиджак
И вынул из кармана ветку лавра,

Три лавровых листка. Кто он такой,
Чтоб забывать на родину дорогу?
Он их смотрел на свет. Он гладил их рукой,
Губами осторожно трогал.

Как он посмел забыть? Три лавровых листка.
Что может быть прочней и проще?
Не все еще потеряно, пока
Там не завяли лавровые рощи.

Он в полночь выехал. Как родина близка,
Как долго пароход идет в тумане...
Когда он был убит, три лавровых листка
Среди бумаг нашли в его кармане.
1939

МАЛЬЧИК

Когда твоя тяжелая машина
Пошла к земле, ломаясь и гремя,
И черный столб взбешенного бензина
Поднялся над кабиною стоймя,
Сжимая руль в огне последней вспышки,
Разбитый и притиснутый к земле,
Конечно, ты не думал о мальчишке,
Который жил в Клину или Орле:

Как ты, не знавший головокруженья,
Как ты, он был упрям, драчлив и смел,
И самое прямое отношенье
К тебе, в тот день погибшему, имел.

Пятнадцать лет он медленно и твердо
Лез в небеса, упрямо сжав штурвал,
И все тобой не взятые рекорды
Он дерзкою рукой завоевал.
Когда его тяжелая машина
Перед посадкой встала на дыбы
И, как жестянка, сплющилась кабина,
Задев за телеграфные столбы,
Сжимая руль в огне последней вспышки,
Придавленный к обугленной траве,
Он тоже не подумал о мальчишке,
Который рос в Чите или в Москве...

Когда уже известно, что в газетах
Назавтра будет черная кайма,
Мне хочется, поднявшись до рассвета,
Врываться в незнакомые дома,
Искать ту неизвестную квартиру,
Где спит, уже витая в облаках,
Мальчишка - рыжий маленький задира,
Весь в ссадинах, веснушках, синяках.

АНГЛИЙСКОЕ ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ В СЕВАСТОПОЛЕ

Здесь нет ни остролистника, ни тиса.
Чужие камни и солончаки,
Проржавленные солнцем кипарисы
Как воткнутые в землю тесаки.

И спрятаны под их худые кроны

В земле, под серым слоем плитняка,
Побатальонно и поэскадронно
Построены британские войска.

Шумят тяжелые кусты сирени,
Раскачивая неба синеву,
И сторож, опустившись на колени,
На английский манер стрижет траву.

К солдатам на последние квартиры
Корабль привез из Англии цветы,
Груз красных черепиц из Девоншира,
Колючие терновые кусты.

Солдатам на чужбине лучше спится,
Когда холмы у них над головой
Обложены английской черепицей,
Обсажены английскою травой.

На медных досках, на камнях надгробных,
На пыльных пирамидах из гранат
Английский гравер вырезал подробно
Число солдат и номера бригад.

Но прежде чем на судно погрузить их,
Боясь превратностей чужой земли,
Все надписи о горестных событиях
На русский второпях перевели.

Бродяга-переводчик неуклюже
Переиначил русские слова,
В которых о почтенье к праху мужа
Просила безутешная вдова:

"Сержант покойный спит здесь. Ради бога,
С почтением склонись пред этот крест!"

Как много миль от Англии, как много
Морских узлов от жен и от невест.

В чужом краю его обидеть могут,
И землю распахать, и гроб сломать.
Вы слышите! Не смейте, ради бога!
Об этом просят вас жена и мать!

Напрасный страх. Уже дряхлеют даты
На памятниках дедам и отцам.
Спокойно спят британские солдаты.
Мы никогда не мстили мертвецам.
1939

ЧАСЫ ДРУЖБЫ

Недавно тост я слышал на пиру,
И вот он здесь записан на бумагу.
"Приснилось мне,- сказал нам тамада,
Что умер я, и все-таки не умер,
Что я не жив, и все-таки лежит
Передо мной последняя дорога.
Я шел по ней без хлеба, без огня,
Кругом качалась белая равнина,
Присевшие на корточки холмы
На согнутых хребтах держали небо.
Я шел по ней, весь день я не видал
Ни дыма, ни жилья, ни перекрестка,
Торчали вместо верстовых столбов
Могильные обломанные плиты -
Я надписи истертые читал,
Здесь были похоронены младенцы,
По две недели от роду, по три,
Умершие, едва успев родиться.
К полуночи я встретил старика,

Седой, как лунь, сидел он у дороги
И пил из рога черное вино,
Пахучим козьим сыром заедая.
"Скажи, отец,- спросил я у него,-
Ты сыр жуешь, ты пьешь вино из рога,
Как дожил ты до старости такой
Здесь, где никто не доживал до года?"
Старик, погладив мокрые усы,
Сказал: "Ты ошибаешься, прохожий,
Здесь до глубокой старости живут,
Здесь сверстники мои лежат в могилах,
Ты надписи неправильно прочел -
У нас другое летоисчисление:
Мы измеряем, долго ли ты жил,
Не днями жизни, а часами дружбы".
И тамада поднялся над столом:
"Так выпьем же, друзья, за годы дружбы!"
Но мы молчали. Если так считать -
Боюсь, не каждый доживет до года!
1939

* * *

Слишком трудно писать из такой оглушительной дали.
Мать придет и увидит конвертов клочки:
"Все ли есть у него, все ли зимнее дали?" -
И, на счастье твое, позабудет очки.

Да, скажи ей - все есть. Есть белье из оранжевой байки.
Как в Москве - если болен - по вызову ездят врачи,
Под шинель в холода есть у нас забайкальские майки -
Меховые жилеты из монгольской каракульчи.

Есть столовка в степи, иногда вдруг заплещет посуда,
Когда близко бомбежка... Но подробности ей не нужны.
Есть простудные ветры. Но московское слово "простуда"

Ей всегда почему-то казалось страшнее войны.

Впрочем, все хорошо, пусть посылки не собирает.
Но тебе я скажу: в этой маминой мирной стране,
Где приезжие вдруг от внезапных простуд умирают,
Есть не все, что им надо, не все, что им снится во сне.

Не хватает им малости: комнаты с темною шторой,
Где сидеть бы сейчас, расстояния все истребя.
Словом, им не хватает той самой, которой...
Им - не знаю кого. Мне - тебя.

Наше время еще занесут на скрижали.
В толстых книгах напишут о людях тридцатых годов.
Удивятся тому, как легко мы от жен уезжали,
Как легко отвыкали от дыма родных городов.

Всё опишут, как было... Вот только едва ли
Они вспомнят, что мы, так легко обходясь без жены,
День за днем, как мальчишки, нелепо ее ревновали,
Ночь за ночью видали все те же тревожные сны.
1939

ФОТОГРАФИЯ

Е. Л.

Я твоих фотографий в дорогу не брал:
Все равно и без них - если вспомним - приедем.
На четвертые сутки, давно переехав Урал,
Я в тоске не показывал их любопытным соседям.

Никогда не забуду после боя палатку в тылу,
Между сумками, саблями и термосами,
В груди ржавых трофеев, на пыльном полу,
Фотографии женщин с чужими косыми глазами.

Они молча стояли у картонных домов для любви,
У цветных абажуров с черным чертиком, с шелковой
рыбкой:
И на всех фотографиях, даже на тех, что в крови,
Снизу вверх улыбались запоздалой бумажной улыбкой.

Взяв из груды одну, равнодушно сказать: "Недурна",
Уронить, чтоб опять из-под ног, улыбаясь, глядела.
Нет, не черствое сердце, а просто война:
До чужих сувениров нам не было дела.

Я не брал фотографий. В дороге на что они мне?
И опять не возьму их. А ты, не ревнуя,
На минуту попробуй увидеть, хотя бы во сне,
Пыльный пол под ногами, чужую палатку штабную.
1939

КУКЛА

Мы сняли куклу со штабной машины.
Спасая жизнь, ссылаясь на войну,
Три офицера - храбрые мужчины -
Ее в машине бросили одну.

Привязанная ниточкой за шею,
Она, бежать отчаявшись давно,
Смотрела на разбитые траншеи,
Дрожа в своем холодном кимоно.

Земли и бревен взорванные глыбы;
Кто не был мертв, тот был у нас в плену.
В тот день они и женщину могли бы,
Как эту куклу, бросить здесь одну...

Когда я вспоминаю поражение,
Всю горечь их отчаянья и страх,
Я вижу не воронки в три сажени,
Не трупы на дымящихся кострах,-

Я вижу глаз ее косые щелки,
Пучок волос, затянутый узлом,
Я вижу куклу, на крученом шелке
Висящую за выбитым стеклом.

1939

ТАНК

Вот здесь он шел. Окопов три ряда.
Цепь волчьих ям с дубовой щетиной.
Вот след, где он попятился, когда
Ему взорвали гусеницы миной.

Но под рукою не было врача,
И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая.

Вот здесь он, все ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессилевший от ран,
Купив пехоте трудную победу.

Уже к рассвету, в копоти, в пыли,
Пришли еще дымящиеся танки
И сообща решили в глубь земли
Зарыть его железные останки.

Он словно не закапывать просил,
Еще сквозь сон он видел бой вчерашний,

Он упирался, он что было сил
Еще грозил своей разбитой башней.

Чтоб видно было далеко окрест,
Мы холм над ним насыпали могильный,
Прибив звезду фанерную на шест -
Над полем боя памятник посильный.

Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь, в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми;

Я выкопал его бы, как он есть,
В пробоинах, в листах железа рваных,-
Невянущая воинская честь
Есть в этих шрамах, в обгорелых ранах.

На постамент взобравшись высоко,
Пусть как свидетель подтвердит по праву:
Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава.
1939

САМЫЙ ХРАБРЫЙ

Самый храбрый - не тот, кто, безводьем измученный,
Мимо нас за водою карабкался днем,
И не тот, кто, в боях к равнодушью приученный,
Семь ночей продержался под нашим огнем.

Самый храбрый солдат - я узнал его осенью,
Когда мы возвращали их пленных домой
И за цепью барханов, за дальнею просинью

Виден был городок с гарнизонной тюрьмой.

Офицерскими долгими взглядами встреченный,
Самый храбрый солдат - здесь нашелся такой,
Что печально махнул нам в бою искалеченной,
Нашим лекарем вылеченною рукой.

1939

ТЫЛОВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Все лето кровь не сохла на руках.
С утра рубили, резали, сшивали.
Не сняв сапог, на куцах тюфяках
Дремали два часа, и то едва ли.

И вдруг пустая тишина палат,
Который день на фронте нет ни стычки.
Все не решались снять с себя халат
И руки спиртом мыли по привычке.

Потом решились, прицепили вдруг
Все лето нам мешавшие наганы.
Ходили в степи слушать, как вокруг
Свистели в желтых травах тарбаганы.

Весь в пене, мотоцикл приткнув к дверям,
Штабной связист привез распоряженье
Отбыть на фронт, в поездку, лекарям -
Пускай посмотрят на поля сраженья.

Вот и они, те дальние холмы,
Где день и ночь дырявили и рвали
Все, что потом с таким терпеньем мы
Обратно, как портные, зашивали.

Как смел он, этот ржавый миномет,
С хромою сошкою, чтоб опираться,
Нам стоять стольких рваных ран в живот,
И стольких жертв, и стольких операций?

Как гальку на прибрежной полосе,
К ногам осколки стали прибывает.
Как много их! Как страшно, если б все...
Но этого, по счастью, не бывает.

Вот здесь в окоп тяжелый залетел,
Осколки с треском разошлись кругами,
Мы только вынимали их из тел,
Мы первый раз их видим под ногами.

Шофер нас вез обратно с ветерком,
И все-таки, вся в ранах и увечьях,
Степь пахла миром, диким чесноком,
Ночным теплом далеких стад овечьих.
1939

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Памяти Бориса Горбатова

Умер друг у меня - вот какая беда...
Как мне быть - не могу и ума приложить.
Я не думал, не верил, не ждал никогда,
Что без этого друга придется мне жить.
Был в отъезде, когда схоронили его,
В день прощанья у гроба не смог постоять.
А теперь вот приеду - и нет ничего;
Нет его. Нет совсем. Нет. Нигде не видеть.
На квартиру пойду к нему - там его нет.

Есть та улица, дом, есть подъезд тот и
дверь,
Есть дощечка, где имя его - и теперь.
Есть на вешалке палка его и пальто,
Есть налево за дверью его кабинет...
Все тут есть... Только все это вовсе не то,
Потому что он был, а теперь его нет!
Раньше как говорили друг другу мы с ним?
Говорили: "Споем", "Посидим", "Позвоним",
Говорили: "Скажи", говорили: "Прочти",
Говорили: "Зайди ко мне завтра к пяти".
А теперь привыкать надо к слову: "Он был".
Привыкать говорить про него: "Говорил",
Говорил, приходил, помогал, выручал,
Чтобы я не грустил - долго жить обещал,
Еще в памяти все твои живы черты,
А уже не могу я сказать тебе "ты".
Говорят, раз ты умер - таков уж закон,-
Вместо "ты" про тебя говорить надо: "он",
Вместо слов, что люблю тебя, надо: "любил",
Вместо слов, что есть друг у меня, надо: "был".
Так ли это? Не знаю. По-моему - нет!
Свет погасшей звезды еще тысячу лет
К нам доходит. А что ей, звезде, до людей?
Ты добрей был ее, и теплей, и светлей,
Да и срок невелик - тыщу лет мне не жить,
На мой век тебя хватит - мне по дружбе светить.

2

Умер молча, сразу, как от пули,
Побледнев, лежит - уже ничей.
И стоят в почетном карауле
Четверо немолодых людей.

Четверо, не верящие в бога,

Провожают раз и навсегда
Пятого в последнюю дорогу,
Зная, что не встретят никогда.

А в глазах - такое выраженье,
Словно верят, что еще спасут,
Словно под Москвой из окруженья,
На шинель подняв, его несут.

3

Дружба настоящая не старится,
За небо ветвями не цепляется,-
Если уж приходит срок, так валится
С грохотом, как дубу полагается.
От ветров при жизни не качается,
Смертью одного из двух кончается.
1954

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.
1941

ДОМ ДРУЗЕЙ

Дом друзей, куда можно зайти безо всякого,
Где и с горя, и с радости ты ночевал,
Где всегда приютят и всегда одинаково,
Под шумок, чем найдут, угостят наповал.

Где тебе самому руку стиснут до хруста,
А подарок твой в угол засунут, как хлам;
Где бывает и густо, бывает и пусто,
Чего нет - того нет, а что есть - пополам.

Дом друзей, где удач твоих вовсе не ценят
И где счет неудачам твоим не ведут;

Где, пока не изменишься сам,- не изменят,
Что бы ни было - бровью не поведут!

Где, пока не расскажешь, допросов не будет,
Но попросишь суда - прям, как штык, будет суд;
Где за дерзость - простят, а за трусость - засудят,
И того, чтобы нос задирали, не снесут!

Дом друзей!- в нем свои есть заботы, потери -
Он в войну и с вдовством, и с сиротством знаком,
Но в нем горю чужому открыты все двери,
А свое, молчаливое,- век под замком.

Сколько раз в твоей жизни при непогоде
Он тебя пригревал - этот дом, сколько раз
Он бывал на житейском большом переходе
Как энзэ - как неприкосновенный запас!

Дом друзей! Чем ему отплатить за щедроты?
Всею любовью своей или памятью, всею?
Или проще - чтоб не был в долгу у него ты,
Сделать собственный дом тоже домом друзей?

Я хотел посвятить это стихотворенье
Той семье, что сейчас у меня на устах,
Но боюсь - там рассердятся за посвященье,
А узнать себя - верно узнают и так!
1954

* * *

Тринадцать лет. Кино в Рязани,
Тапер с жестокою душой,
И на заштопанном экране
Страданья женщины чужой;

Погоня в Западной пустыне,
Калифорнийская гроза,
И погибавшей героини
Невероятные глаза.

Но в детстве можно всё на свете,
И за двугривенный в кино
Я мог, как могут только дети,
Из зала прыгнуть в полотно.

Убить врага из пистолета,
Догнать, спасти, прижать к груди.
И счастье было рядом где-то,
Там за экраном, впереди.

Когда теперь я в темном зале
Увижу вдруг твои глаза,
В которых тайные печали
Не выдаст женская слеза,

Как я хочу придумать средство,
Чтоб счастье было впереди,
Чтоб хоть на час вернуться в детство,
Догнать, спасти, прижать к груди...
Май 1941

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Пожар стихал. Закат был сух.
Всю ночь, как будто так и надо,
Уже не поражая слух,
К нам долетала канонада.

И между сабель и сапог,
До стремени не доставая,

Внизу, как тихий василек,
Бродила девочка чужая.

Где дом ее, что случилось с ней
В ту ночь пожара - мы не знали.
Перегибаясь к ней с коней,
К себе на седла поднимали.

Я говорил ей: "Что с тобой?" -
И вместе с ней в седле качался.
Пожара отсвет голубой
Навек в глазах ее остался.

Она, как маленький зверек,
К косматой бурке прижималась,
И глаза синий уголек
Все догореть не мог, казалось.

.....

Когда-нибудь в тиши ночной
С черемухой и майской дремой,
У женщины совсем чужой
И всем нам вовсе незнакомой,

Заметив грусть и забытье
Без всякой видимой причины,
Что с нею, спросит у нее
Чужой, не знавший нас, мужчина.

А у нее сверкнет слеза,
И, вздрогнув, словно от удара,
Она поднимет вдруг глаза
С далеким отблеском пожара:

- Не знаю, милый.- А в глазах

Вновь полетят в дорожной пыли
Кавалеристы на конях,
Какими мы когда-то были.

Деревни будут догорать,
И кто-то под ночные трубы
Девчонку будет поднимать
В седло, накрывши буркой грубой.
1942

У ОГНЯ

Кружится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под черною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.

Одержима яростною верой
В то, что он когда-нибудь придет,
Вечные слова "Yo te quiero"*
Пляшущая женщина поет.

В дымной, промерзающей землянке,
Под накатом бревен и земли,
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели.

У огня, где жарятся консервы,
Греет свои раны он сейчас,
Под Мадридом продырявлен в первый
И под Сталинградом - в пятый раз.

Он глаза устало закрывает,
Он да песня - больше никого...
Он тоскует? Может быть. Кто знает?

Кто спросить посмеет у него?

Проволоку молча прогрызая,
По снегу ползут его полки.
Южная пластинка, замерзая,
Делает последние круги.

Светит догорающая лампа,
Выстрелы да снега синева...
На одной из улочек Дель-Кампо
Если ты сейчас еще жива,

Если бы неведомою силой
Вдруг тебя в землянку залучить,
Где он, тот голубоглазый, милый,
Тот, кого любила ты, спросить?

Ты, подняв опущенные веки,
Не узнала б прежнего, того,
В грузном поседевшем человеке,
В новом, грозном имени его.

Что ж, пора. Поправив автоматы,
Встанут все. Но, подойдя к дверям,
Вдруг он вспомнит и мигнет солдату:
"Ну-ка, заведи вдогонку нам".

Тонкий луч за ним блеснет из двери,
И метель их сразу обовьет.
Но, как прежде, радуясь и веря,
Женщина вослед им запоет.

Потеряв в снегах его из виду,
Пусть она поет еще и ждет:
Генерал упрям, он до Мадрида
Все равно когда-нибудь дойдет.

* "Я тебя люблю" (исп.).- Ред.
1943

СЛЕПЕЦ

На виды видевшей гармонь,
Перебирая хриплый строй,
Слепец играл в чужом вагоне
"Вдоль по дороге столбовой".

Ослепнувший под Молодечно
Еще на той, на той войне,
Из лазарета он, увечный,
Пошел, зажмурясь, по стране.

Сама Россия положила
Гармонь с ним рядом в забыты
И во владенье подарила
Дороги длинные свои.

Он шел, к увечью привыкая,
Струились слезы по лицу.
Вилась дорога столбовая,
Навеки данная слепцу.

Все люди русские хранили
Его, чтоб был он невредим,
Его крестьяне подвозили,
И бабы плакали над ним.

Проводники вагонов жестких
Через Сибирь его везли.
От слез засохшие полоски
Вдоль черных щек его легли.

Он слеп, кому какое дело
До горестей его чужих?
Но вот гармонь его запела,
И кто-то первый вдруг затих.

И сразу на сердца людские
Печаль, сводящая с ума,
Легла, как будто вдруг Россия
Взяла их за руки сама.

И повела под эти звуки
Туда, где пепел и зола,
Где женщины ломают руки
И кто-то бьет в колокола.

По деревням и пепелищам,
Среди нагнувшихся теней.
"Чего вы ищете?" - "Мы ищем
Своих детей, своих детей..."

По бедным, вымершим равнинам,
По желтым волчьим огонькам,
По дымным заревам, по длинным
Степным бесснежным пустырям,

Где со штыком в груди открытой
Во чистом поле, у раки,т,
Рукой родною не обмытый,
Сын русской матери лежит.

Где, если будет месть на свете,
Нам по пути то там, то тут
Непохороненные дети
Гвоздикой красной прорастут,

Где ничего не напророчишь
Черней того, что было там...

.....

"Стой, гармонист! Чего ты хочешь?
Зачем ты ходишь по пятам?

Свое израненное тело
Уже я нес в огонь атак.
Тебе Россия петь велела?
Я ей не изменю и так.

Скажи ей про меня: не станет
Солдат напрасно отдыхать,
Как только раны чуть затянет,
Пойдет солдат на бой опять.

Скажи ей: не ища покоя,
Пройдет солдат свой крестный путь.
Ну, и сыграй еще такое,
Чтоб мог я сердцем отдохнуть..."

.....

Слепец лады перебирает,
Он снова только стар и слеп.
И раненый слезу стирает
И режет пополам свой хлеб.
1943

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Поздравляю тебя с днем рожденья,-
Говорю, как с ребенком:
Пусть дыханье твое и пенье
Будет чистым и звонким.

Чтобы были тебе не метели
Злой купелью,
А чтоб вечно грачи летели
Над капелью.

Всё еще впереди - обаянье
Первых книжек,
И выстукивание на рояле
"Чижик-пыжик".

Бесконечные перемены
Тьмы и света,
И далеко, но непременно
Я там где-то.

Поздравляю тебя с днем рожденья,-
Говорю, как с большой,
Со своей единственной тенью
И второю душой:

Поздравляю тебя с сединой,
С первой прядью, что я замечаю,
Даже если я сам ей виной,
Все равно поздравляю.

Поздравляю со снегом большим
До окон, с тишиною
И со старым знакомым твоим,
Что тут в доме с тобою.

Сыплет, сыплет метель, как вчера,
На дорогу,
И ни следа с утра
Нет к порогу.

Наконец мы с тобою вдвоем
В этой вьюге,
У огня мы молча поем
Друг о друге.

А в огне чудеса:
Там скитаются воспоминанья.
Как моря и леса,
Дров сухое пыланье.

Поздравляю тебя с днем рожденья.
Как давно мы знакомы с тобой!
Начинает темнеть, а поленья
Все трещат и все пахнут смолой.

Надо будет послать
За свечою к соседу.
Дай мне руку поцеловать.
Скоро гости приедут.

ЛЕТАРГИЯ

В детстве был мне бабка рассказала
Об ожившей девушке в гробу,
Как она металась и рыдала,
Проклиная страшную судьбу,

Как, услышав неземные звуки,
Сняв с усопшей тяжкий гнет земли,
Выраженье небывалой муки
Люди на лице ее прочли.

И в жару, подняв глаза сухие,
Мать свою я трепетно просил,
Чтоб меня, спасая от летаргии,

Двадцать дней никто не хоронил.

.....

Мы любовь свою сгубили сами,
При смерти она, из ночи в ночь
Просит пересохшими губами
Ей помочь. А чем нам ей помочь?

Завтра отлетит от губ дыхание,
А потом, осенним мокрым днем,
Горсть земли ей бросив на прощанье,
Крест на ней поставим и уйдем.

Ну, а вдруг она, не как другие,
Нас навеки бросить не смогла,
Вдруг ее не смерть, а летаргия
В мертвый мир обманом увела?

Мы уже готовим оправдания,
Суетные круглые слова,
А она еще в жару страданья
Что-то шепчет нам, полужива.

Слушай же ее, пока не поздно,
Слышишь ты, как хочет она жить,
Как нас молит - трепетно и грозно -
Двадцать дней ее не хоронить!

ХИБАЧИ

В тонком доме над рекою
У хибачи греем руки.
Спросишь, что это такое
Ты об этой штуке.
Это - лакированный горшок

С медью красною внутри,
Сверху - пепла на вершок,
А под ним - углей на три.
На циновках мы сидим
Босиком вокруг горшка,
Руки греем и молчим
По незнанию языка.
Впрочем, это даже лучше -
Никому не отвечать
И иметь удобный случай
Помолчать.
В доме холодно, спасенья
Нет.
Потому что отопленья
Нет.
Дорогого,
Дарового,
Дровяного,
Парового -
Никакого
Нет.
Говорят, что потепленье
В феврале.
А пока все отопленье
Тут, в золе.
Под золой три угля тлеют,
Легкий чад.
Трое русских руки греют,
Молчат.
Впрочем, говорят, не для обиды
Бедных
Нас
Сделан этот деревом обитый
Медный
Таз.
Не из прихоти он скован,

Не с отчаянья,
А нарочно, для мужского
Молчания.
Чтоб всю ночь над ним
Сидеть,
Молчать,
Не говорить,
Только уголь брать,
Чтоб прикурить,
Да смотреть, как под золой
Огонь
Пролетит, как голубой
Конь.
1946, Япония

ФУТОН

Чтоб ты знала жестокие
Наши мучения,
Хоть мысленно съезди в Токио
Для их изучения.

Живем в японской скворешне,
Среди пожараща,
Четверо: я, грешный,
И три товарища.

На слово нам поверя,
Войди в положение:
Надпись над нашей дверью -
Уже унижение.

Иероглифами три имени,
Четвертое - мое,
Но так и не знаем именно,

Где - чье?

Где вы: Аз, Буки, Веди?

Забыли мы обо всем.

Живем, как зимой медведи,

Лапы сосем.

У каждого есть берлога,

Холодная, как вокзал.

Вот, не верили в бога -

Он нас и наказал.

Но чтобы тепла лишение

Не вызвало общий стон,

Как половинчатое решение

Принят у нас фудон.

Футоном называется

Японское одеяло,

Которое отличается

От нашего очень мало.

Просто немножко короче,

Примерно наполовину;

Закроешь ноги и прочее -

Откроешь спину...

А в общем, если по совести

Этот вопрос исследовать,-

Футоны, он вроде повести,

Где "продолжение следует".

Конечно, в сравнении с вечностью,

Тут не о чем говорить,

Но просто, по-человечеству,

Хочется поскулить.

Особенно если конечности
Мерзнут до бесконечности.

Мы вспомнить на расстоянии
Просим жен
О нашем существовании,
Положенном под футон,

Где тело еще отчасти
Согреется как-нибудь,
Но у души, к несчастью,
Ноги не подогнуть.
1946, Япония

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Рядом с кухней отеля "Миако",
Где нас кормят морской капустой,
Есть пруд и рыбы. Однако
Их никто не ест,- будь им пусто!

Потому что это не просто,
А золотые, священные рыбы,
Стой над ними, считай хоть до ста,
И за то спасибо.

Они плавают с сытыми мордами,
Раздувая хвосты,
Очевидно, дьявольски гордые
Независимостью от плиты.

Они очень надменны, ибо
Презирают до содрогания
Прочую просто рыбу,

Предназначенную для питания.

Они держатся даже в воде
Друг с другом несколько сухо,
Оттого что они - в пруде
Аристократия духа.

Так изысканно и рассеянно
Живут они всю неделю,
Но каждое воскресенье
Приходит повар отеля

И, принеся извинения
Всем предкам на случай уж
Чертовского совпадения
С переселением душ,

В кимоно с двумя поясами
Он стоит над водой и в ней
Долго ищет глазами,
Которая пожирней.

Потом с ужасной улыбкой,
Взмахнув сачком, как ужаленный,
Берет золотую рыбку
И делает ее жареной.

Другие рыбы потопчутся,
Поспорят, посокрушаются
И расплывутся. В обществе
Рыб это наблюдается.

А может, пруда население
Тоже не без идей
И верит в переселение
Своих душ в людей.

И в этом есть вероятие.
Разве мы не могли бы
Сказать об одном приятеле,
Что в нем душа рыбы?

Япония, 1946

* * *

Бывает иногда мужчина -
Всех женщин безответный друг,
Друг бескорыстный, беспричинный,
На всякий случай, словно круг,
Висящий на стене каюты.
Весь век он старится и ждет,
Потом в последнюю минуту
Его швырнут - и он спасет.

Неосторожными руками
Меня повесив где-нибудь,
Не спутай. Я не круг. Я камень.
Со мною можно потонуть.
1946

СЫН

Был он немолодой, но бравый;
Шел под пули без долгих сборов,
Наводил мосты, переправы,
Ни на шаг от своих саперов;
И погиб под самым Берлином,
На последнем на поле минном,
Не простясь со своей подругой,
Не узнав, что родит ему сына.

И осталась жена в Тамбове.
И осталась в полку саперном
Та, что стала его любовью
В сорок первом, от горя черном;

Та, что думала без загада:
Как там, в будущем, с ней решится?
Но войну всю прошла с ним рядом,
Не пугаясь жизни лишиться...

Ничего от него не хотела,
Ни о чем для себя не просила,
Но, от пуль закрыв своим телом,
Из огня его выносила
И выхаживала ночами,
Не беря с него обещаний
Ни жениться, ни разводиться,
Ни писать для нее завещаний.

И не так уж была красива,
Не приметна женскою ст а тью.
Ну, да, видно, не в этом сила,
Он ее и не видел в платьях,
Больше все в сапогах кирзовых,
С санитарной сумкой, в пилотке,
На дорогах войны грозových,
Где орудья бьют во всю глотку.

В чем ее красоту увидел?
В том ли, как вела себя смело?
Или в том, как людей жалела?
Или в том, как любить умела?

А что очень его любила,
Жизнь ему отдав без возврата,-
Это так. Что было, то было...

Хотя он не скрыл, что женатый.

Получает жена полковника
Свою пенсию за покойника;
Старший сын работает сам уже,
Даже дочь уже год как замужем...

Но живет еще где-то женщина,
Что звалась фронтовой женой.
Не обещано, не завещано
Ничего только ей одной.

Только ей одной да мальчишке,
Что читает первые книжки,
Что с трудом одет без заплаток
На ее, медсестры, зарплату.

Иногда об отце он слышит,
Что был добрый, храбрый, упрямый.
Но фамилии его не пишет
На тетрадках, купленных мамой.

Он имеет сестру и брата,
Ну, а что ему в том добра-то?
Пусть подарков ему не носят,
Только маму пусть не поносят.

Даже пусть она виновата
Перед кем-то, в чем-то, когда-то,
Но какой ханжа озабочен -
Надавать ребенку пощечин?

Сплетней душу ему не троньте!
Мальчик вправе спокойно знать,
Что отец его пал на фронте
И два раза ранена мать.

Есть над койкой его на коврике
Снимок одерской переправы,
Где с покойным отцом, полковником,
Мама рядом стоит по праву.

Не забывшая, незамужняя,
Никому другому не нужная,
Она молча несет свою муку.
Поцелуй, как встретишь, ей руку!
1954

ЧУЖАЯ ДУША

Дурную женщину любил,
А сам хорошим парнем был,
С врагами - не застенчивым,
К друзьям - не переменчивым;

Умел приехать к другу,
Подать в несчастье руку,
Поднять в атаку роту,
Стать грудью в непогоду!

Был и умен, и добр, и смел,
И верен был отчизне,
И одного лишь не умел
В своей короткой жизни:

Взять отодвинуть взглядом
И рассмотреть как следует
Ту, что живет с ним рядом,
Что спит с ним и обедает;

Ту, что с их первой встречи

Была с ним всех короче,
И жизнь его калеча,
И честь его пороча...

А эта, с кем он жил, она -
Могу ручаться смело,-
Что значит слово-то "жена",
Понятья не имела.

Свои лишь ручки, ноженьки
Любила да жалела,
А больше ничегошеньки
На свете не умела:

Ни сеять, ни пахать, ни жать,
Ни думать, ни детей рожать,
Ни просидеть сиделкою,
Когда он болен, ночь,
Ни самую безделкою
В беде ему помочь.

Как вспомнишь - так в глазах темно,
За жизнь у ней лишь на одно
Умения хватило -
Свести его в могилу!

А где же были мы - друзья?
Тут виноват и ты и я!
Молчали, замечали
Да головой качали:

Мол, вроде неприлично
Касаться жизни личной.
Да так и не коснулись,
Как умер лишь - проснулись!
1954

* * *

"Дружба - дружбой, а служба - службой" -
Поговорка-то золотая,
Да бывает так, что без нужды
Изо рта она вылетает.

Чуть ругнут тебя на все корки,
Гром - за дело ль, без дела ль - грянет,
Под удобную поговорку,
Как под крышу, спрячутся дряни.

Как под зонтиком в непогоду,
Будут ждать под ней хоть полгода,
С бывшим другом играя в прятки,
Пока вновь не будешь "в порядке".

Упрекнешь их - ответят тут же:
"Дружба - дружбой, а служба - службой".
Срам прикроют листиком шутки
И пойдут, встряхнувшись, как утки.

Снова - ты им за дорогого,
Снова - помнят дорогу к дому,
Долго ль, коротко ль?- До другого
Им слышавшегося грома.

Не в одной лишь дружбе накладны
Эти маленькие иуды;
Что дружить не умеют - ладно,
Да ведь служат-то тоже худо!
1954

ЖИЛ ДА БЫЛ ЧЕЛОВЕК ОСТОРОЖНЫЙ...

Жил да был человек осторожный,
Осторожный
до невозможности,
С четырех сторон огороженный
Своей собственной
осторожностью.
В частокол им
для безопасности,
Словно гвозди, фразы
насованы:
"В этом деле пока нет ясности...",
"Это дело - не согласовано..."
А вокруг
каждой этой фразы -
Битых стекол
мелкие жала:
"Поглядим...",
"Возможно...",
"Пожалуй...",
"Не вполне...",
"Не время...",
"Не сразу..." -
До того хороша ограда,
Будто так для людей и надо!
Будто то,
что всего дороже нам,
Этой изгородью
огорожено.
Полно, так ли?
А мне сдается,
Мы за изгородь
глянуть можем:
Кто же это
за ней пасется?
Сам собою,

как конь, стреножен,
Чтоб случайно
не разбежаться,
Чтоб от "да"
и "нет"
воздержаться!
Вдруг все страсти его мордасти -
Не для пользы
Советской власти?
Не за тем,
ничего подобного!
А за тем,
чтоб ему удобнее!
Подозренья
имею веские,
Слыша,
как он там
сыто ржет,
Что он вовсе
не власть Советскую,
Сам себя
от нас бережет.
1954

ДРУГ-ПРИЯТЕЛЬ

Едва ошибся человек,
Как сразу - им в привычку -
Уж тянут, тянут руки вверх
Его друзья - в кавычках.

Один - чтоб первым осудить
На первом же собрании,
Другой - чтоб всех предупредить,
Что он все знал заранее...

Что говорить об этих двух?
Из сердца сделай вычерк!
Но вот сидит твой третий друг -
Как будто без кавычек.

Он и сегодня, как вчера,
Рубашкою поделится,
Проутешает до утра:
Что это все безделица
И скоро перемелется...

С тобой душой не покривит:
Что можно,
да и нужно
Тебе за грех твой дать на вид,
А больше не положено,
а больше не заслужено!
Но, не потупивши глаза
И медный голос выковав,
Его подаст он все же - за
Тот самый строгий выговор,
Что хоть и не положен
И все тому подобное...
Но раз уже предложен,
То против - неудобно!

Потом с собрания к нему
Зайдешь - затащит силой.
Чтоб объяснить, что к чему:
Что не тебе, брат, одному,
А и ему,
а и ему -
Да-да! - не просто было!
Что он тебя всегда любил,
И все об этом знают;

Случалось, вместе водку пил,
И это тоже знают;
Вдобавок вы с ним земляки,
И нету человека,
Чтобы не знал, как вы близки
С ним чуть не четверть века.
В твою защиту выступить,-
Как напоказ все выставить!
Вдруг раздались бы реплики:
Мол, время зря не тратили,
Мол, уж не слишком крепко ли
Спаялись вы, приятели?

Кому же это
нужно-то!
Ведь было б только хуже - да?
А так -
ну что ж, ну строго,
Ну перегнули малость,
За выговор, ей-богу,
Рука не подымалась!

- А все же поднял?
Поднял.
Так это ведь - сегодня,
Но есть еще райком,
горком,
Поговорят,
протрут с песком,
Дадут на вид, пожалуй,
А выговор - обжалуй!

И я, как вызовут, скажу,
Что в этом отношении
Я слишком строгим нахожу
Первичное решение.

Дерись, обжалуй!
А пока,
Коль доведется туго,
Вот, брат, тебе моя рука,
А если надо - угол,
Бывает, брат, и хуже,
Давай садись за ужин,
Беда - бедой,
еда - едой!

И смотришь на него, как он
Все ходит, суетится,
И добрый он,
И славный он,
И чуть собой гордится,
Накормит и напоит,
Спать у себя положит...
А большего не стоит
И спрашивать, быть может?

Но вдруг
совсем простой
вопрос:
"Постой, постой,
что он тут нес?
И почему же, собственно,
Не мог он на собрании
Сказать о мненье собственном
Перед голосованием?

Что вы не просто с ним дружки,
Что вы врагов с ним били,
Что в жизни не одни вершки -
И труд и бой делили;
Что не слепою верою -

В делах дурной попутчицей,-
Что всею жизни мерою
Он за тебя поручится!"

Его ты вправе упрекнуть,
Хоть люди есть и хуже...

Все дело в том,
как тут взглянуть:
Пошире?
Иль поуже?

Поуже - что ж, все ничего,
Он парень неплохой,
Не требуй лишнего с него -
Спасибо, что такой.
Пошире взгляд жесток, увы,-
С ним не были друзьями вы!

Тех двух, с кого я начал речь,
Их просто от себя отсечь.
Но с этим третьим - сложно,
Заколебаться можно...

Чтоб эти вытравить черты,
Пора в лицо смотреть им -
Случается,
что я и ты
Бываем этим -
третьим...
1954

УЛЫБКА

Бывает - живет человек

и не улыбается,
И думает, что так ему, человеку,
и полагается,
Что раз у него, у человека,
положение,
То положено ему
к положению -
и лица выражение.
Не простое -
золотое,
ответственное:
Тому - кто я
и что я -
соответственное,
Иногда уж
вот-вот улыбнется, спасует...
И ему ведь трудно
порой удержаться!
Но улыбку
сам с собой
согласует,
проголосует
И решит большинством голосов -
воздержаться.
И откуда-то взявши,
что так вот и надо
Чуть ли не для пользы революции,
Живет в кабинете
с каменным взглядом,
С выражением лица -
как резолюция!
Даже людей великих
портреты
Заказал -
посуровой
для кабинета,

Чтобы было всё
без ошибок!
Чтобы были все
без улыбок!
Сидит под ними
шесть дней недели, -
Глаза бы их
на него не глядели!
И лишь в воскресенье
на лоно природы,
На отдых, выехав на рыбалку,
На рыбок
с улыбкою
смотрит в воду.
Для них
улыбки
ему не жалко.
Никто не заметит
улыбку эту,
Не поведет удивленно
бровью,
Хоть весь день,
без подрыва авторитета,
Сиди,
улыбайся себе на здоровье!
И сидит человек
и улыбается,
Как ему,
человеку,
и полагается.
Его за воскресное это
безделье,
За улыбки рыбкам
судить не будем...
Эх, кабы
в остальные

шесть дней недели
Эту б улыбку
не рыбкам -
людям!
1954

АНКЕТА ДРУЖБЫ

По-разному анкеты
На дружбу заполняют
И на себя за это
Потом пусть не пеняют.

Иной, всего превыше
Боясь толчка под ребра,
Такого друга ищет,
Чтоб был, как вата, добрый.

Другой друзей находит,
Чтоб зажигали спички,
Чтобы за ним в походе
Несли его вещички.

Чем в друге ошибиться,
Поверивши в улыбки,
Уж лучше ушибиться
Об друга по ошибке.

Друг - не клавиатура,
Чтоб пробежать руками,
Углы его натуры
Обследуют боками.

Пусть как обрывы Ужбы
Характер тот отвесен,

Пускай до вашей дружбы
Был путь не так уж весел,

Пусть надо с ледорубом
Идти до той вершины,
Где называют другом
Друг друга два мужчины.

Где вы не шли друг с другом
По вымеренной бровке,
А где тащили грубо
Друг друга на веревке,

Где не спяна казалось:
Ты, я, да мы с тобою!
А где вас смерть касалась
Одним крылом обоих!

Дороги к дружбе нету
Другой, чем восхождение.
Я в дружбе - за анкету
С таким происхождением!
1955

ПЕСНЯ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.
Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай по маленькой нальем.

Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем!

Есть, чтоб выпить, повод
За военный провод,
За У-2, за эмку, за успех.
Как пешком шагали,
Как плечом толкали,
Как мы попевали раньше всех.
От ветров и водки
Хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
"С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте хоть бы год!"

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали
Но мы не терялись никогда.
На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми въезжали в города.
Так выпьем за победу,
За нашу газету.
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой!

* * *

Плюшевые волки,
Зайцы, погремушки.
Детям дарят с елки
Детские игрушки.

И, состарясь, дети
До смерти без толку
Все на белом свете
Ищут эту елку.

Где жар-птица в клетке,
Золотые слитки,
Где висит на ветке
Счастье их на нитке.

Только дед-мороза
Нету на макушке,
Чтоб в ответ на слезы
Сверху снял игрушки.

Желтые иголки
На пол опадают...
Все я жду, что с елки
Мне тебя подарят.

Май 1941

* * *

Когда со мной страданьем
Поделятся друзья,
Их лишним состраданьем
Не обижаю я.

Я их лечу разлукой
И переменой мест,
Лечу дорожной скукой
И сватовством невест.

Учу, как чай в жестянке

Заваривать в пути,
Как вдруг на полустанке
Красавицу найти,

Чтоб не скучать по году
О той, что всех милей,
Как разложить колоду
Из дам и королей,

И назло той, упрямой,
Наоборот, не в масть,
Найдя в колоде даму,
У короля украсть.

Но всю свою науку
Я б продал за совет,
Как самому мне руку
Не дать тебе в ответ,

Без губ твоих, без взгляда
Как выжить мне полдня,
Пока хоть раз пощады
Запросишь у меня.

1941

* * *

Я очень тоскую,
Я б выискать рад
Другую такую,
Чем ехать назад.

Но где же мне руки
Такие же взять,
Чтоб так же в разлуке

Без них тосковать?

Где с тою же злостью
Найти мне глаза,
Чтоб редкою гостьей
Была в них слеза?

Чтоб так же смеялся
И пел ее рот,
Чтоб век я боялся,
Что вновь не придет.

Где взять мне такую,
Чтоб все ей простить,
Чтоб жить с ней, рискуя
Недолго прожить?

Чтоб с каждым рассветом,
Вставая без сна,
Таким же отпетым
Бывать, как она.

Чтоб, встретясь с ней взглядом
В бессонной тиши,
Любить в ней две рядом
Живущих души.

Не знать, что стряется
С утра до темна,
Какой обернется
Душою она.

Я, с нею измучась,
Не зная, как жить,
Хотел свою участь
С другой облегчить.

Но чтобы другою
Ее заменить,
Вновь точно такую
Должна она быть;

А злой и бесценной,
Проклятой, такой
Нет в целой вселенной
Второй под рукой.

* * *

Я не помню, сутки или десять
Мы не спим, теряя счет ночам.
Вы в похожей на Мадрид Одессе
Пожелайте счастья москвичам.

Днем, по капле нацедив во фляжки,
Сотый раз переходя в штыки,
Разодрав кровавые тельняшки,
Молча умирают моряки.

Ночью бьют орудья корпусные...
Снова мимо. Значит, в добрый час.
Значит, вы и в эту ночь в России
Что вам стоит вспомнили о нас.

Может, врут приметы, кто их знает!
Но в Одессе люди говорят:
Тех, кого в России вспоминают,
Пуля трижды бережет подряд.

Третий раз нам всем еще не вышел,
Мы под крышей примостились спать.
Не тревожьтесь - ниже или выше,

Здесь ведь все равно не угадать.

Мы сегодня выпили, как дома,
Коньяку московский мой запас;
Здесь ребята с вами незнакомы,
Но с охотой выпили за вас.

Выпили за свадьбы золотые,
Может, еще будут чудеса...
Выпили за ваши голубые,
Дай мне бог увидеть их, глаза.

Помню, что они у вас другие,
Но ведь у солдат во все века,
Что глаза у женщин голубые,
Принято считать издалека.

Мы вас просим, я и остальные,
Лучше, чем напрасная слеза,
Выпейте вы тоже за стальные
Наши, смерть видавшие, глаза.

Может быть, они у нас другие,
Но ведь у невест во все века,
Что глаза у всех солдат стальные,
Принято считать издалека.

Мы не все вернемся, так и знайте,
Но ребята просят в черный час
Заодно со мной их вспоминайте,
Даром, что ли, пьют они за вас!
1941

* * *

В домотканом, деревянном городке,

Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с летчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски;

Где, как черный хвост кошачий, не к добру,
Прямо в небо дым из печи над трубой,
Где всю ночь скрипучий флюгер на ветру
С петушиным криком крутит домовой;

Где с утра ветра, а к вечеру дожди,
Где и солнца-то не видно из-за туч,
Где, куда ты ни поедешь, так и жди
На распутье встретишь камень бел-горюч,

В этом городе пять дней я тосковал.
Как с тобой, хотел - не мог расстаться с ним,
В этом городе тебя я вспоминал
Очень редко добрым словом, чаще - злым,

Этот город весь как твой большой портрет,
С суеверьем, с несчастливой ворожкой,
С переменчивой погодою чуть свет,
По ночам, как ты, с короной золотой.

Как тебя, его не видеть бы совсем,
А увидев, прочь уехать бы скорей,
Он, как ты, вчера не дорог был ничем,
Как тебя, сегодня нет его милей.

Этот город мне помог тебя понять,
С переменчивою северной душой,
С редкой прихотью неласково сиять
Зимним солнцем над моею головой.

Заметает деревянные дома,
Спят солдаты, снег валит через порог...

Где ты плачешь, где поешь, моя зима?
Кто опять тебе забыть меня помог?
1941

* * *

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчел
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Взял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, так ее любил,
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем,
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,

Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед,
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Раз фашиста убил твой брат,
Это он, а не ты солдат.

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина,
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть заплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

1942

СЛАВА

За пять минут уж снегом талым
Шинель запорошилась вся.

Он на земле лежит, усталым
Движеньем руку занеся.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.

1942

БЕЗЫМЕННОЕ ПОЛЕ

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.

Мы мертвым глаза не закрыли,
Придется нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли
Последнюю почесть отдать.

Не в честных солдатских могилах -
Лежат они прямо в пыли.
Но, мертвых отдав поруганью,
Зато мы - живыми пришли!

Не правда ль, мы так и расскажем
Их вдовам и их матерям:
Мы бросили их на дороге,

Зарыть было некогда нам.

Ты, кажется, слушать не можешь?

Ты руку занес надо мной...

За слов моих страшную горечь

Прости мне, товарищ родной,

Прости мне мои оскорбленья,

Я с горя тебе их сказал,

Я знаю, ты рядом со мною

Сто раз свою грудь подставлял.

Я знаю, ты пуль не боялся,

И жизнь, что дала тебе мать,

Берег ты с мужскою надеждой

Ее подороже продать.

Ты, верно, в сорочке родился,

Что все еще жив до сих пор,

И смерть тебе меньшею мукой

Казалась, чем этот позор.

Ты можешь ответить, что мертвых

Завидуешь сам ты судьбе,

Что мертвые сраму не имут,

Нет, имут, скажу я тебе.

Нет, имут. Глухими ночами,

Когда мы отходим назад,

Восставши из праха, за нами

Покойники наши следят.

Солдаты далеких походов,

Умершие грудью вперед,

Со срамом и яростью слышат

Полночные скрипы подвод.

И, вынести срама не в силах,
Мне чудится в страшной ночи -
Встают мертвецы всей России,
Поют мертвецам трубачи.

Беззвучно играют их трубы,
Незримы от ног их следы,
Словами беззвучной команды
Их ротные строят в ряды.

Они не хотят оставаться
В забытых могилах своих,
Чтоб вражеских пушек колеса
К востоку ползли через них.

В бело-зеленых мундирах,
Павшие при Петре,
Мертвые преображенцы
Строятся молча в каре.

Плачут седые капралы,
Протяжно играет рожок,
Впервые с Полтавского боя
Уходят они на восток.

Из-под твердынь Измаила,
Не знавший досель ретирад,
Понуро уходит последний
Суворовский мертвый солдат.

Гремят барабаны в Карпатах,
И трубы над Бугом поют,
Сибирские мертвые роты
У стен Перемышля встают.

И на истлевших построках
Вспять через Неман и Прут
Артиллерийские кони
Разбитые пушки везут.

Ты слышишь, товарищ, ты слышишь,
Как мертвые следом идут,
Ты слышишь: не только потомки,
Нас предки за это клянут.

Клянемся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад!
Чтоб больше не шли вслед за нами
Безмолвные тени солдат.

Чтоб там, где мы стали сегодня,
Пригорки да мелкий лесок,
Куриный ручей в пол-аршина,
Прибрежный отлогий песок,

Чтоб этот досель неизвестный
Кусок нас родившей земли
Стал местом последним, докуда
Последние немцы дошли.

Пусть то безыменное поле,
Где нынче пришлось нам стоять,
Вдруг станет той самой твердыней,
Которую немцам не взять.

Ведь только в Можайском уезде
Слыхали названье села,
Которое позже Россия
Бородином назвала.

Июль 1942

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА

Был у майора Деева
Товарищ майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

А у майора Петрова
Был Ленька, любимый сын,
Без матери, при казарме,
Рос мальчишка один.
И если Петров в отъезде,
Бывало, вместо отца
Друг его оставался
Для этого сорванца.

Вызовет Деев Леньку:
А ну, поедем гулять:
Сыну артиллериста
Пора к коню привыкать!
С Ленькой вдвоем поедет
В рысь, а потом в карьер.
Бывало, Ленька спасует,
Взять не сможет барьер,
Свалится и захнычет.
+ Понятно, еще малец!

Деев его поднимет,
Словно второй отец.
Подсадит снова на лошадь:

+ Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.

Прошло еще два-три года,
И в стороны унесло
Деева и Петрова
Военное ремесло.
Уехал Деев на Север
И даже адрес забыл.
Увидеться - это б здорово!
А писем он не любил.
Но оттого, должно быть,
Что сам уж детей не ждал,
О Леньке с какой-то грустью
Часто он вспоминал.

Десять лет пролетело.
Кончилась тишина,
Гроном загрохотала
Над родиною война.
Деев дрался на Севере;
В полярной глуши своей
Иногда по газетам
Искал имена друзей.
Однажды нашел Петрова:
"Значит, жив и здоров!"
В газете его хвалили,
На Юге дрался Петров.
Потом, приехавши с Юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай Егорыч,

Геройски погиб в Крыму.
Деев вынул газету,
Спросил: "Какого числа?"
И с грустью понял, что почта
Сюда слишком долго шла...

А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.
Деев сидел над картой
При двух чадящих свечах.
Вошел высокий военный,
Косая сажень в плечах.
В первые две минуты
Майор его не узнал.
Лишь басок лейтенанта
О чем-то напоминал.
А ну, повернитесь к свету,
И свечку к нему поднес.
Все те же детские губы,
Тот же курносый нос.
А что усы так ведь это
Сбрить! и весь разговор.
Ленька? Так точно, Ленька,
Он самый, товарищ майор!

Значит, окончил школу,
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось дожить.
У Леньки в глазах блеснула
Непрошенная слеза.
Он, скрипнув зубами, молча
Отер рукавом глаза.
И снова пришлось майору,

Как в детстве, ему сказать:
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.

А через две недели
Шел в скалах тяжелый бой,
Чтоб выручить всех, обязан
Кто-то рискнуть собой.
Майор к себе вызвал Леньку,
Взглянул на него в упор.
По вашему приказанью
Явился, товарищ майор.
Ну что ж, хорошо, что явился.
Оставь документы мне.
Пойдешь один, без радиста,
Рация на спине.
И через фронт, по скалам,
Ночью в немецкий тыл
Пройдешь по такой тропинке,
Где никто не ходил.
Будешь оттуда по радио
Вести огонь батарей.
Ясно? Так точно, ясно.
Ну, так иди скорей.
Нет, погоди немножко.
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя руками
Леньку к себе прижал:
Идешь на такое дело,
Что трудно прийти назад.
Как командир, тебя я
Туда посылать не рад.

Но как отец... Ответь мне:
Отец я тебе иль нет?
Отец, сказал ему Ленька
И обнял его в ответ.

Так вот, как отец, раз вышло
На жизнь и смерть воевать,
Отцовский мой долг и право
Сыном своим рисковать,
Раньше других я должен
Сына вперед посылать.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.
Понял меня? Все понял.
Разрешите идти? Иди!
Майор остался в землянке,
Снаряды рвались впереди.
Где-то гремело и ухало.
Майор следил по часам.
В сто раз ему было б легче,
Если бы шел он сам.
Двенадцать... Сейчас, наверно,
Прошел он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.
Два... Он теперь, должно быть,
Ползет на самый хребет.
Три... Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет.
Деев вышел на воздух
Как ярко светит луна,
Не могла подождать до завтра,

Проклята будь она!

Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донесся первый сигнал:
Все в порядке, добрался.
Немцы левой меня,
Координаты три, десять,
Скорей давайте огня!
Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
Немцы правой меня,
Координаты пять, десять,
Скорее еще огня!

Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда
Никто не уйдет живым.
Третий сигнал по радио:
Немцы вокруг меня,
Бейте четыре, десять,
Не жалейте огня!

Майор побледнел, услышав:
Четыре, десять - как раз
То место, где его Ленька
Должен сидеть сейчас.
Но, не подавши виду,
Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал командовать
Со спокойным лицом:

"Огонь!" - летели снаряды.
"Огонь!" - заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донесся сигнал:
Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!

И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Ленька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,

Майор поглядел на Леньку
И вдруг его не узнал:
Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Все те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой.

Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!
Такая уж поговорка
Теперь у Леньки была...

Вот какая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.
А вверху, над горами,
Все так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.
Трещал телефон, и, волнуясь,
Командир по землянке ходил,
И кто-то так же, как Ленька,
Шел к немцам сегодня в тыл.

1941

* * *

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят: "Война..."

И наспех женщин обнимают.

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Им торопливо заменила.

Она возлюбленных чужих
Здесь пожалела, как умела,
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела.

А им, которым в бой пора
И до любви дожить едва ли,
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Я не сужу их, так и знай.
На час, позволенный войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.

Пусть будет все не так, не то,
Но вспомнить в час последней муки
Пускай чужие, но зато
Вчерашние глаза и руки.

В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом, ни душою.

Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу,
В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу.

Случайной лаской не согрет,
До смерти не простясь с тобою,
Я милых губ печальный след
Навек оставлю за собою.

1941

* * *

Я помню двух девочек, город ночной...
В ту зиму вы поздно спектакли кончали.
Две девочки ждали в подъезде со мной,
Чтоб вы, проходя, им два слова сказали.
Да, я провожал вас. И все-таки к ним,
Пожалуй, щедрей, чем ко мне, вы бывали.
Двух слов они ждали. А я б и одним
Был счастлив, когда б мне его вы сказали.

Я помню двух девочек; странно сейчас
Вдруг вспомнить две снежных фигурки у входа.
Подъезд театральный надолго погас.
Вам там не играть в зиму этого года.
Я очень далеко. Но, может, они
Вас в дальнем пути без меня провожают
И с кем-то другим в эти зимние дни,
Совсем как со мной, у подъезда скучают.

Я помню двух девочек. Может, живым
Я снова пройду вдоль заснеженных улиц
И, девочек встретив, поверю по ним,
Что в старый наш город вы тоже вернулись:
Боюсь, что мне незачем станет вас ждать,
Но будет все снежная, та же погода,
И девочки будут стоять и стоять,
Как вечные спутницы ваши, у входа...

* * *

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что так другие не назвали,
Что в старый дом мой, сломанный войной,
Ты снова гостьей явишься едва ли.

За то, что я желал тебе и зла,
За то, что редко ты меня жалела,
За то, что, просьб не ждя моих, пришла
Ко мне в ту ночь, когда сама хотела.

Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб всем сказать об этом,
Не потому, что ты давно со мной,
По всем досужим сплетням и приметам.

Твоей я не тщеславлюсь красотой,
Ни громким именем, что ты носила,
С меня довольно нежной, тайной, той,
Что в дом ко мне неслышно приходила.

Сравнятся в славе смертью имена,
И красота, как станция, минует,
И, постарев, владелица одна
Себя к своим портретам приревнует.

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас со мной,
Должны глаза закрыть чужие руки.

За то, что ты правдивою была,

Любить мне не давала обещанья
И в первый раз, что любишь, + солгала
В последний час солдатского прощанья.

Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться...
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.
1941

* * *

Я пил за тебя под Одессой в землянке,
В Констанце под черной румынской водой,
Под Вязьмой на синем ночном полустанке,
В Мурманске под белой Полярной звездой.

Едва ль ты узнаешь, моя недотрога,
Живые и мертвые их имена,
Всех добрых ребят, с кем меня на дорогах
Короткою дружбой сводила война.

Подводник, с которым я плывал на лодке,
Разведчик, с которым я к финнам ходил,
Со мной вспоминали за рюмкою водки
О той, что товарищ их нежно любил.

Загадывать на год война нам мешала,
И даже за ту, что, как жизнь, мне мила,
Сегодня я пил, чтоб сегодня скучала,
А завтра мы выпьем, чтоб завтра ждала.

И кто-нибудь, вспомнив чужую, другую,
Вздохнув, мою рюмку посмотрит на свет
И снова нальет мне: - Тоскуешь? - Тоскую.
Красивая, верно? - Жаль, карточки нет.

Должно быть, сто раз я их видел, не меньше,
Мужская привычка - в тоскливые дни
Показывать смятые карточки женщин,
Как будто и правда нас помнят они.

Чтоб всех их любить, они стоят едва ли,
Но что ж с ними делать, раз трудно забыть!
Хорошие люди о них вспоминали,
И значит, дай бог им до встречи дожить.

Стараясь разлуку прожить без оглядки,
Как часто, не веря далекой своей,
Другим говорил я: "Все будет в порядке,
Она тебя ждет, не печалься о ней".

Нам легче поверить всегда за другого,
Как часто, успев его сердце узнать,
Я верил: такого, как этот, такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

Как знать, может, с этим же чувством знакомы
Все те, с кем мы рядом со смертью прошли,
Решив, что и ты не изменишь такому,
Без спроса на верность тебя обrekli.
